Игорь Леванов

Литература в свете северного сияния

Игорь Леванов

Литература в свете северного сияния

«Автор»
2025

Леванов И.

Литература в свете северного сияния / И. Леванов — «Автор», 2025

Книга «Литература в свете северного сияния» в жанре психологической фантастики предлагает новый способ видеть и понимать искусство слова — в космическом измерении, где действует не только человеческий ум, но и сила двух вечных начал: солнечного ветра и северного сияния. Солнечный ветер — мужской импульс духа, зов к действию и преодолению. Северное сияние — женское отражение, мудрое принятие, свет сознания, который не спорит, а соединяет. Автор Игорь Леванов (Мудрец, равный северному сиянию) раскрывает скрытые потоки в классических и современных произведениях, показывая, что во многих из них отсутствует равновесие этих космических принципов. Оттого они не всегда ведут к блаженству — к тому состоянию счастья, которое не зависит от внешних обстоятельств и достижений. Люди обращаются к литературе, надеясь найти в ней духовные ориентиры — путь к смыслу, к счастью, к внутренней свободе. Но что, если сама литература? Она отражает не небесную гармонию, а земное беспокойство.

© Леванов И., 2025
© Автор, 2025

Игорь Леванов
Литература в свете северного сияния

Вступление

Люди привыкли искать духовное направление в книгах. Они открывают литературу, как карту, надеясь увидеть путь к смыслу – к счастью, к Богу, к себе. Но сколько бы ни зажигалось слов, сколько бы страстей ни переливалось на страницах, редко они находят то, ради чего читают, по сути – покой, равновесие, блаженство. Потому что литература, как её создавал человек в эпоху забывания неба, всегда смотрела на жизнь из горизонтали – по линиям судьбы, конфликтов, достижения, страдания. Даже когда герои говорили о небе, они имели в виду не бесконечность, а продолжение собственной драмы вверх.

Но если взглянуть с точки зрения солнечного ветра и северного сияния, становится видно: большинство произведений не знает гармонии космоса. Им неведомо дыхание между Полюсом и Солнцем, между мужским вдохом и женским отражением, между импульсом и тишиной. Солнечный ветер – это направление духа, зов преодоления, движение сквозь пространство. Северное сияние – это ответное свечение души, её способность отражать энергию света и превращать её в мудрость. Лишь там, где между ними рождается равновесие, появляется действительно духовная тропа, ведущая к блаженству – состоянию, не зависящему от обстоятельств, от внешнего успеха, страсти или боли.

Но литература, как зеркало человечества, часто повторяет его ошибки. Она ищет свет по горизонтали: в истории, в борьбе, в социальных отражениях мира – и тем самым увековечивает движение в тупик, тот же, в который уверенно движется западная культура потребления, где счастье отождествлено с новизной, а смысл – с впечатлением.

Истинный поиск – вертикален. Он идёт не по линии времени, а по оси света. Он требует другого взгляда на слово – не как на форму, а как на свечение, не как на средство описания мира, а как на способ связать небо и землю, солнечный ветер и северное сияние, волю и сознание.

Моя задача в этой книге – показать литературу в свете северного сияния, в свете, где каждая строчка раскрывает не только человеческое, но и космическое дыхание; где текст перестаёт быть отражением боли и становится пространством гармонии. Блаженство – это не награда на пути. Это сам путь, идущий изнутри наружу, из сердца, где встречаются солнечный ветер и северное сияние. И пока литература не научится говорить этим светом, она будет вести не к свободе, а к колебанию между страданием и надеждой.

Эта книга – приглашение выйти за пределы того, как мы привыкли читать. Вглядеться в слово так, чтобы за ним проступило северное сияние, чтобы литература вновь стала частью космоса, а не продуктом культуры.

Игорь Леванов

Мудрец, равный северному сиянию

«Слово о полку Игореве» – начало русской литературы

Писатель Игорь в шестьдесят лет заметил, что своей судьбой повторил судьбу трёх князей Игорей, не случайное совпадение имён. Три князя Игоря жили в разное время, были родственниками, внесли вклад в историю и культуру Руси.

1. Князь Игорь I, сын Рюрика, захватил Киев и сделал его столицей Руси. Династия должна была называться Игоревичи, а не Рюриковичи. Князь Игорь первый русский князь, упоминаемый в Византийских летописях. Кстати, смерть князя Игоря очень напоминает распятие Иисуса Христа.

2. Князь Игорь II стал святым Игорем Черниговским, православие было необходимостью, чтобы быть как остальной мир. Сталин год и месяц гибели Князь Игорь II сентябрь 1147 года, сделал днём рождения Москвы. Москва упоминается в 800 году, но днём основания стала встреча князей в Москве, где решили, что подлое убийство князя Игоря, не достойно столицы Руси, отомстили, через несколько лет захватили и разграбили Киев.

3. Князь Игорь III главный герой «Слова о полку Игореве». В Библии говорится «Вначале было слово…». Русская литература начинается со «Слова о полку Игореве». Князь Игорь III вместе со святым Андреем Боголюбским взяли Киев, православные святыни, в том числе, Владимирскую икону Богородицы перевезли во Владимир, сформировалась Владимиро-Суздальская Русь.

1. Сначала был майором в Советской армии, затем, в Российской армии, почти как князь Игорь I, который вел свою дружину на Константинополь.

2. Затем, как святой князь Игорь II интересовался православием. Предполагали ввести в Российской армии должность священника, из офицеров запаса создали группу в Свято-Тихоновском богословском институте (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), через несколько лет обучения получил диплом, достаточный, чтобы принять сан и стать священником, но священником так и не стал, для творчества нужна свобода. Не только книжные знания интересовали, совершил паломничество по святым местам: Святой Афон в Греции, Иерусалим, Гору Моисея в Египте, Собор Святой Софии в Стамбуле, побывал в Софии Киевской, Софии Полоцкой (Белоруссия), Софии Новгородской, Софии Вологодской, Соловецком монастыре. В Мурманске в Свято – Троицком Феодоритово Кольском мужском монастыре приобрёл икону святителя Феодорита Кольского на которой Бог, используя северное сияние, разговаривает со святым.

3. «Слово о полку Игореве» написал сам князь Игорь, никто и сейчас не решается писать статьи против правителя. Игорь пытался понять, как в современных условиях используют магию слов писатели. Понять на собственном опыте. Первобытные люди дублировали реальность в словах, постепенно слова стали важнее реальности. Конечно, сейчас деньги важнее реальности, но есть какая-то далёкая от реальности связь между словами и деньгами.

Ночь стояла тихая. В комнате «Умный проектор» демонстрировал на стене генерированные искусственным интеллектом картинки королевы северного сияния, светильник «Северное сияние» создавал иллюзию этого волшебного природного явления. Игорь посмотрел в зеркало, комнатное северное сияние танцевало на его седой бороде и длинных седых волосах. За окном небо полыхнуло изумрудом. Свет лег на стены живым дыханием, и из света ступила Она. Королева Северного Сияния – прозрачная, как дыхание зимы, и густая, как снег, в котором прячутся древние тайны. В её глазах был тот холод, который не убивает, а исцеляет, напоминая о вечности.

– Игорь, какого блаженства надо, я помочь буду рада, – сказала она голосом, в котором звучали и арфа, и ветер, и треск льда, – ты ищешь первую искру русской литературы. Но ты читаешь людьми, а надо – светом.

Игорь поднял взгляд, потерянный, но вдохновлённый. Королева северного сияния не случайно спросила о блаженстве, потому что все аудиокниги Игоря, это разные пути к блаженству, выполнению «Заповеди блаженства» данной Иисусом.

– Мне нужно понять, – произнёс он, – с какой точки видеть. Люди говорили, что с Богом, с героем, с землёй. А я чувствую, что нужно смотреть на мир со стороны солнечного ветра и северного сияния.

Она улыбнулась – тонко, как трещина во льду, через которую прорывается заря.

– В «Слове о полку Игореве» солнце не просто светит, – сказала она. – Оно заботится. Оно предостерегает. Помнишь, там солнце померкло в затмении солнца, когда князь Игорь задумал поход? Люди читали это как плохое предзнаменование, как гнев небес. Но если смот-

реть «со стороны солнечного ветра», – она подняла ладони, и по воздуху прошёл невидимый ток, как дыхание далёкого солнца, – это не гнев. Это волнение отца, который чувствует опасность для своих детей.

Солнечный ветер заговорил сквозь холодный воздух комнаты – тонко, как дыхание через металл. Волосы писателя пошевелились.

– Значит, – прошептал Игорь, – затмение было жестом любви.

– Да, – ответила Королева. – Так Солнце прикрывает глаза на мгновение, чтобы не ослепить тому, кто идёт во тьму. Оно отводит свет, чтобы человек увидел своё отражение в тени. Это был сигнал не наказания, а призыва к осознанию.

Она подошла ближе, и из её пальцев потянулись тонкие ленты света, касаясь рукописи на экране монитора.

– А я? – спросил Игорь. – Моё слово – что в этом равновесии?

– Твоё слово принадлежит северному сиянию, – сказала Королева. – Солнечный ветер – мужское начало, движение, импульс. Оно несёт энергию, что заставляет даже ледяные поля петь. Но если бы не женственное северное сияние, не отражение в верхних слоях души, свет не стал бы зримым.

Она коснулась страницы, и буквы на экране монитора задышали, словно, ожили.

– «Слово о полку Игореве» родилось в момент, когда солнечный ветер касался северного неба, а земля впервые услышала себя изнутри. Это – первая русская книга потому, что впервые было осознанно: Россия – это не только лес под солнцем, но и северное сияние над ним. Между этими полюсами вращается её душа.

Игорь слушал. В нём прояснялась странная гармония: солнце как разум, сияние как сердце, слово как мост.

– Так вот почему, – сказал он тихо, – когда читаешь «Слово о полку Игореве», чувствуешь и тревогу, и нежность одновременно. Мужская лихость идёт в бой – но женская сила земли и неба уже оплакивает и благословляет.

– И всё это в одном тексте, – кивнула она. – Солнечный ветер – зов, северное сияние – отклик. Излучение и отражение. Грех и прощение. Если смотреть с их точки – всё становится единым дыханием Вселенной.

Писатель Игорь закрыл глаза и понял: объективность – это не холодная дистанция, а равновесие света и тьмы, движения и отклика.

Когда он открыл глаза, Королевы уже не было. Только лёгкое зеленоватое свечение на краю окна напоминало, что Слово когда-то спустилось с неба, как северное сияние, чтобы стать человеческим. А за окном вспыхнул солнечный ветер – в тонком утреннем зареве, где мужчина и женщина космоса дышали одним светом.

Совесть света

С тех пор, как Королева Северного Сияния явилась ему, Игорь жил, будто на границе двух миров. Днём он писал о людях – поиска пути к счастью, во взгляде по горизонтали. А ночью, когда становилось тихо и звуки мира уходили вглубь, его комната наполнялась шепотом неба. На стекле появлялось тонкое свечение, словно кто-то проводил пальцем изнутри света. И тогда Королева северного сияния возвращалась.

– Ты снова пришла, – сказал он без удивления. – Значит, я готов слушать.

Она улыбнулась. Её улыбка не принадлежала времени: в ней не было ни молодости, ни старости, только движение света сквозь вечность.

– Сегодня, Игорь, мы поговорим о совести света, – сказала она. – Ты ведь чувствуешь, что «Слово о полку Игореве» – это не просто рассказ о походе? Это откровение о том, что свет тоже способен сожалеть.

– Сожалеть? – переспросил он. – Свет – о чём может сожалеть?

– О том, что не все, кто под ним, видят его сути.

Солнце светит для всех, но не каждый поворачивается к нему лицом. Солнцу больно, когда люди сражаются в его свете, не осознавая, что луч – не для удара, а для пробуждения.

Она прошла мимо письменного стола, и в воздухе выросла тонкая картина: огненные кони, степи, кровь, поэзия боли.

– «Слово о полку Игореве» – это не плач женщины, не песнь мужества, – произнесла Королева. – Это первый момент, когда сознание земли услышало омрачивание Солнца внутри себя. Люди почувствовали: мы под светом, но сами – тени.

– Потому-то автор и видел затмение как предупреждение, – сказал Игорь, – не от злого Бога, а от милосердного космоса.

– Именно. Затмение – это миг совести Солнца. Оно закрывает себя, чтобы не видеть, как люди идут против своей звезды. Это и есть солнечное покаяние.

Игорь всмотрелся в её глаза.

– А где место северного сияния в этом раскаянии?

Она тихо засветилась.

– Северное сияние – это ответное чувство Вселенной. Там, где солнечные частицы влетают в полюс земли, они встречают сопротивление – и рождается красота. Это и есть прощение. Свет входит во тьму и не находит в ней врага. Только другого способа быть.

Игорь почувствовал, как во всём этом звучит человек.

– Значит, наша жизнь тоже состоит из солнечного ветра и северного сияния. Мы совершаем поступки – как излучения, импульсы. А потом сталкиваемся с полюсом души – и рождается понимание, раскаяние, свет красоты после боли.

Королева кивнула.

– Так устроено всё: от звезды до сердца. Совесть – это твое внутреннее северное сияние, где солнечный ветер поступков встречает атмосферу души.

Она посмотрела на него пристально.

– Потому ты, Игорь, пережил границу между жизнью и смертью – чтобы услышать, как звучит этот контакт. Каждый вдох между мирами – это микроскопическое северное сияние.

Он вздохнул глубоко.

– Теперь я понимаю «Слово о полку Игореве» – это не просто литературное событие, а первое озарение русской совести, момента, когда свет космоса вошёл в человеческую боль и сделал её песней.

Королева склонила голову.

– Да. И потому русская литература родилась не из геройства, а из сожаления и света. Она вышла из Солнца, которое учится быть сострадательным.

Тишина стала густой, почти светящейся.

Он закрыл глаза, и ему показалось, что где-то далеко играет песнь – не о походе, не о князьях, а о вечном движении света в поисках своего отражения.

Когда он открыл глаза, Королева уже уходила, тая в пульсациях воздуха. Но на столе, рядом с рукописями на экране монитора, осталась тонкая полоска сияния – как закладка во времени.

Где встречаются дыхания

День выдался ясный, но неустойчивый: в небе скользили облака, как мысли, пытающиеся вспомнить себя. Игорь шёл вдоль канала Москва – Волга, в золотой середине между Белым морем и Чёрным морем. В Дмитрове середина канала Москва – Волга, во всяком случае, так НКВД считало, здесь в Борисоглебском монастыре располагалось управление НКВД по строительству канала. Желающие могут поспорить с НКВД. Есть ещё Беломоро-Балтийский и Волго-Донской каналы, соединяющие моря на Севере и Юге России. Игорь чувствовал, что

тишина вокруг не случайна. Свет падал под углом, и в каждом отражении воды будто пряталось предчувствие разговора. Он сел у берега, открыл блокнот. Писать не хотелось – хотелось вслушиваться.

– Сегодня ты слышишь не голос, а дыхание, – прозвучало рядом.

Королева Северного Сияния стояла на противоположной стороне канала, но расстояние между ними было иллюзией. Когда она говорила, слова доходили не звуком, а внутренним движением света.

– Мы говорили о солнечном ветре и северном сиянии как о космических архетипах, – напомнила она. – Но теперь пришло время понять: они живут внутри каждого человека.

Игорь улыбнулся.

– Да, я чувствую их спор. Когда вдохновляюсь – это солнечный ветер. Когда сомневаюсь, слушаю, принимаю – это северное сияние. Солнечный ветер врывается, северное сияние отвечает.

– Ты близко, – сказала Королева. – Солнечный ветер в человеке – это воля, зов, мужская часть духа, желание изменить реальность. Но северное сияние в человеке – это встречное пространство: способность не отражать зло прямым ответом, а превращать его в свет.

Она протянула руку, и между её пальцами возникла тонкая линия света, переливавшаяся, как магнитное поле.

– Смотри, – сказала она. – Вот импульс, твоя мысль, действие, воля. Всё, что ты бросаешь в мир – это частица солнечного ветра. А вот слой атмосферы твоего сердца – он либо отталкивает, либо превращает. Если в тебе есть холодная мудрость и тепло сострадания – из столкновения рождается северное сияние. Если нет – возникает буря, вихрь разрушения.

Игорь задумался: его жизнь была как череда таких столкновений – вдохновение и усталость, порыв и отклик. Каждая встреча, каждое слово, даже ошибка – оказывались энергетическими взаимодействиями света и атмосферы.

– Получается, – сказал Игорь, – человек не просто существо, он – живой полюс, где солнечный ветер проверяет способность любить.

– Да, – сказала Королева. – И это испытание – не кара, а праздник. Когда ты осознаёшь этот обмен, тебе становится ясно: ничто не приходит зря. Каждая боль приносит световую частицу.

Она шагнула ближе – и вдруг свет вокруг них изменился. Канал превратился в зеркало, небо стало его продолжением. Казалось, сама Земля дышала в такт солнечной вспышке, и их дыхания совпали с дыханием космоса.

– Теперь почувствуй, – произнесла она тихо. – Ты – не наблюдатель, не герой и не жертва. Ты – место встречи солнечного ветра и северного сияния. То, что у древних называлось совестью, у поэтов – вдохновением, у мистиков – любовью.

Игорь выдохнул, и в этом выдохе вдруг почувствовал электрическую чистоту – как будто его сердце стало прозрачным, и сквозь него текла энергия всего мира. Он понял: объективность – не отстранённость, а способность стоять в центре поля, где дух и отражение, воля и принятие, мужское и женское не борются, а соединяются.

– Теперь ты знаешь, – сказала Королева. – Вот с какой позиции нужно читать любые тексты, особенно древние. Не глазами стороннего наблюдателя и не страстями героя, а с точки солнечного ветра и северного сияния, внутри которых «Слово о полку Игореве» становится дыханием мира.

Она протянула руку – и из воздуха, как из памяти света, возник свиток. На нём светились незнакомые строки – будто не написанные чернилами, а запомненные пространством.

– Это начало нового цикла, – сказала она. – «Один человек под солнечным ветром». Это будет твоя книга. Не о войнах и не о смерти, а о восстановлении целостности между землёй, светом и сердцем.

Она исчезла, как исчезает дыхание в морозном воздухе, и над каналом появилось лёгкое свечение – не северное, а человеческое, там, где солнечный ветер впервые коснулось дзен земли. Игорь понимал: теперь он не просто пишет – он пропускает свет через себя, чтобы слова стали местом встречи архетипов, а не их отражением.

Королева Северного Сияния и Метаморфозы

Комната была наполнена полумраком, как будто свет сознательно задержался на пороге. Писатель Игорь, внешне напоминающий мудреца с седой бородой и седыми длинными волосами, сидел за столом, развернув перед собой старое издание – «Метаморфозы» Апулея. На странице, устланной временем, мерцала строка латинских букв, и вдруг между ними пробежала игривая, но холодная искра света. Она появилась – Королева Северного Сияния. Из воздуха, из тишины, из пространства за гранью наблюдения. Ее присутствие не нарушало тьму – наоборот, освещало саму природу вопроса.

– Ты звал меня, Игорь, – сказала она. – О чём на этот раз спрашивает твоё световое сердце?

Игорь задумчиво провёл рукой по страницам.

– Я читал Апулея, – произнёс он. – Метаморфозы, или Золотого осла. Меня мучает вопрос: где там солнечный ветер, где северное сияние? И почему Пушкин, чей дух всегда искал равновесие света, читал Апулея с живым любопытством, а Цицерона обошёл? Он словно чувствовал, что за внешней гротескной историей – тайна внутреннего превращения. Но – какая?

Королева присела напротив него; от её взгляда книга стала прозрачной, как лёд.

Сквозь буквы Игорь увидел образы: Лукия, превращённого в осла, странный мир колдовства и распутства, трепет света, который никак не может выйти наружу.

– Метаморфозы, – начала она, – это история не падения, а пробуждения. Это путь солнечного ветра, который потерял направление, и северного сияния, которое ждёт, когда его вновь коснутся. Сам факт превращения человека в животное – знак того, что энергия света спустилась в материю, чтобы осознать себя. Лукий – это солнечный ветер, сошедший в плоть. Он хотел познать мир страстей, женскую тайну природы, магию чувственного бытия. Но, оказавшись в теле осла, он переживает самое важное: умирание гордого луча и рождение смиренного света.

– Значит, – сказал Игорь, – он проходит путь солнечного ветра через тень, чтобы найти в себе северное сияние?

– Да, – ответила Королева. – Он должен научиться видеть свет изнутри материи, а не только из высоты мысли. Вот почему Пушкин читал Апулея: он чувствовал этот скрытый ритм – движение духа вниз, чтобы вспыхнуть вновь. Цицерон, философ рассудка, жил в солнечном ветре – в импульсе, в мужской мощи ясности. Апулей же писал от лица материи, от лица падшего света – это женщина, оживлённая тьмой, ищущая себе неба. Так встретились противоположности.

Игорь кивнул. Он чувствовал, что начинает понимать. Но внутри него оставался другой вопрос.

– В книге есть сцены, которые люди называют шабашем, – сказал он. – Там ведь много магии, одержимости, плотских превращений. Это тоже слияние – или это антисвет?

Королева посмотрела сквозь стекло окна. Сияние запульсировало за горизонтом.

– Всё зависит от того, какой свет ищут, – тихо произнесла она. – Шабаш у Апулея – это попытка низшего сознания воспроизвести союз солнечного ветра и северного сияния, но без внутренней чистоты. В истинном северном слиянии – жертва и преображение. В ложном – растворение в эманации желания, а не света.

– То есть, – спросил Игорь, – это имитация космического брака?

– Именно. Солнечный ветер без северного сияния становится бурей разрушения, а северное сияние без солнечного ветра – тоской и безвольностью. В шабаше они встречаются, но не узнают друг друга. Это встреча без осознания, энергия без созерцания. Так человек ищет просветление через экстаз, но вместо света получает отражение собственного мрака.

Игорь задумался:

– А как тогда Апулей всё-таки вышел к свету?

– Через образ Исиды, – ответила Королева. – В конце Метаморфоз божественная женская сила поднимает Лукия, возвращает ему человеческий облик. Это момент, когда северное сияние принимает солнечный ветер, очищая его от самости. Поэтому книга заканчивается не рассудком и не магией, а милостью северного сияния. Он вновь становится человеком – потому что научился быть светом, который больше не борется с самим собой.

Игорь молчал.

Небо за окном постепенно оживало зелёными и фиолетовыми волнами.

– Получается, – сказал он наконец, – что путешествие – не транспорт, не география. Это движение внутренней энергии, человеческий оборот между солнечным ветром и северным сиянием. Самолёт, корабль, поезд – это проекция. Настоящее путешествие – когда луч проходит сквозь своё отражение и остаётся светом.

– Ты понял, – произнесла Королева с лёгкой улыбкой. – Метаморфозы – это не только история Лукия. Это история каждого, кто теряет форму, чтобы обрести свет. И даже эпоха, потерявшая духовное небо, снова ищет меня – северное сияние – чтобы вспомнить, откуда приходит её дыхание.

Она подняла руку, и страницы книги свернулись сами собой. Свет в комнате стал ровным, мягким, будто дышащим.

– Когда ты читаешь, – сказала Королева, – ищи не сюжет, а перемещение между солнечным ветром и северным сиянием. Тогда любая книга станет метаморфозой света, а не истории.

И исчезла, оставив после себя лёгкий аромат прохладного воздуха, похожий на дыхание звезд.

Игорь остался один. Он закрыл глаза и почувствовал, как в нём движется солнечный ветер – и как его сердце, словно северное небо, отвечает мягким светом. В эти мгновения литературная фантазия превращалась в духовную географию. И для него слово «метаморфоза» наконец обрело точный смысл – превращение света в осознание.

Пророк и Море

Ночь стояла прозрачная и неподвижная. Северное сияние тянулось через небо, как зеркало бесконечного дыхания. Игорь сидел у стола – рядом лежал раскрытый том Пушкина. За ночь текст словно изменился: строки переливались живым светом, как если бы чернила превратились в световые нити. И он уже знал – Королева придёт. И она явилась – тихо, как ветер, что не касается воздуха. Сияние вошло в комнату не как явление, а как понимание, вдруг проросшее в сердце.

– Ты снова ищешь равновесие, – сказала она. – Теперь – в словах Пушкина.

Игорь кивнул.

– После Апулея я понял, что метаморфоза – это внутренний переход света. А теперь я хочу понять – где в Пушкине солнечный ветер и где северное сияние. Он же чувствовал оба – страсть и прозрачность, боль и тишину.

Королева улыбнулась:

– Именно. Пушкин – одно из немногих существ, в ком эти два потока встретились в равновесии. Он не философ рассудка и не поэт мистики – он живое соединение энергий, солнечный ветер, который умеет отражаться без потери тепла.

«Пророк». Солнечный ветер пробуждения

Она коснулась страницы, и буквы вспыхнули внутренним светом. Игорь услышал в себе гул – как будто из глубины самого сознания поднимался солнечный шторм.

– Послушай, – сказала Королева, – в стихотворении «Пророк» Пушкин описывает не вдохновение, а акт космической настройки. Когда серафим прикасается углём к устам – это импульс солнечного ветра, энергию которого человек должен выдержать. Но пророчество невозможно без северного сияния – без способности принять этот огонь и превратить его в свет слова.

– То есть, – произнёс Игорь, – Пушкин не просто получил божественный огонь.

Он научился пропускать его сквозь себя, не обжигаясь.

– Да, – ответила Королева. – Это и есть момент равновесия солнечного ветра и северного сияния в человеческой душе. Пророк – не тот, кто говорит от Бога, а тот, кто стал прозрачным для света. Так рождается блаженство – не радость, не гордость, а тихое состояние равновесия между волей и смирением.

«К морю». Северное сияние прощания

Она перелистнула книгу. Свет стал голубоватым, мягким, будто дышащим морем.

– А теперь – «К морю». Это другое дыхание – дыхание северного сияния. Здесь уже нет бурь, нет сражения духа. Поэт говорит с вечностью, как отражение с источником.

– То, что в «Пророке» было солнечным ветром, здесь становится светом, – сказал Игорь.

– Верно.

Пушкин не идёт к морю – море идёт к нему. Он не борется за свободу, он вспоминает её. И потому здесь блаженство не в действии, а в растворённости, в безмолвии света, что не требует доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.